

Владимир Федорович Одоевский. Русские письма

Серия "Литературные памятники"

В.Ф. Одоевский "Русские ночи", М., "Наука", 1975

OCR Бычков М.Н.

До меня дошло, что Вы интересовались узнать, {1} что сделалось с Фаустом, этим мистическим скептиком или, если угодно, скептическим мистиком "Русских ночей". Спешу известить Вас, что Фауст умер; он был необходимое, переходное явление, перебивавшее во всяком мыслящем организме, и, как всякое переходное явление, достигнув крайних пределов своего развития, должно было уничтожиться и уступить место другому – может быть, также переходному, что будет до тех пор, пока условия общей жизни не сделаются столь же доступными и ясными, как условия математические вообще, или механические астрономические теоремы; пока вопросы жизни не сделаются столь же определенными, как вопросы математические, и в совокупном житии организмов, попросту в обществе, так же не будет места произволу и сомнению, как в том, равен ли квадрат гипотенузы квадрату двух катетов.

В Фаусте замечалось борение двух стремлений, которыми определяется характер нашего времени. Недовольный шаткостью всех существующих теорий, он стремился трезвым наблюдением пополнить пробелы в науке жизни, но, поражаемый скупостью запаса наших наблюдений, по гордости, свойственной человеку, увлекался заманчивою надеждою пополнить недостатки наблюдений современных теми выводами, которые рассеяны в разных писаниях со времен Гомера и Платона. Смелость и решительность некоторых древних выводов заставляла Фауста предполагать, что они действительно плоды положительных, но потерявшихся наблюдений, и ему показалось не невозможным открыть следы их, как открывают следы древней жизни на улицах Геркуланума и Помпеи. {2} Он был похож на астронома, который, желая определить орбиту кометы, ввел в свои вычисления цифры, добытые его предшественниками, положившись на их вероятность. Дальнейшие работы показали, что одни из этих цифр сомнительны, другие вовсе не верны, третьи вовсе не вычислены. Оттого одни видели в нем отъявленного аналита, другие – мистика. Мир праху благонамеренного человека, он был ни тем, ни другим. Если иногда он и устранился от положительного и единственно верного пути для человеческой науки, то это не мешало ему провидеть до некоторой степени будущие ее фазы. Но боясь соблазна, он настаивал о необходимости читать буквы природы прежде чтения букв человека и даже утверждать, что буквы природы явственнее и вернее; не усумнился напасть на фантазмагорию современных экономистов, видел в естественных науках необходимое, безусловное основание всех последующих выводов во всех отраслях человеческих знаний, не упустил из виду, что человеческое общество есть такой же организм, как все организмы, только более многосложный, и что сей организм требует того же пути для положительных наблюдений, как и всякий другой организм, обратил внимание и на условия того организма, который поныне остается нетронутым, – на условия знания человеческого и на язык, выражающий сие знание. Сие последнее наблюдение должно было послужить переходом к новому воззрению на человека и природу.

Постараюсь продолжить его работы по сему новому пути.

Время фантазии прошло; дорого заплатили мы ей за нашу к ней доверенность; чей ум, упрямый до бестолковости и нелепости, не признает, что другую картину представляют положительные знания, спасающие нас от болезней, предохраняющие наши здания от громовых ударов, сближающие расстояния, утишающие при операциях, – словом, образовавшие всю нашу настоящую жизнь? Каким путем положительная наука дошла до знания ближайших результатов? Путем опытов и наблюдений. Вот истинное поприще деятельности человека. Знать – первый его Долг; действовать сообразно знанию – второй долг его.

Но знание ошибается? Отчего? Стоит исследовать. Для сего первый предмет орудия знания, второй – процесс самого знания. Здесь главная задача философии, все остальное – мечта. Три орудия: прямое наблюдение; повторение сего наблюдения, или опыт; сравнение наблюдения с предшествующим, или то, что называется законом явления. Изучить явление – дело науки, или изучения. Изучить способы самого изучения – дело теории, или так называемой философии.